

Запись в дневнике № 18:

«Я начинаю думать, что участие в шоу — не лучшая затея. Это тоже глупо, к тому же нас увидят все подряд».

Сборы, занявшие целый день, наконец подошли к концу, и настал черед созвониться с будущими напарниками по кадру.

— Привет. Меня зовут Ци Цянь. Ты ведь Сюй-Сэнь Чанлэ?

В первом выпуске Ци Цяню в напарники досталась единственная девочка среди четырех звездных семей — дочка писателя Сань Мушуй, малышка Сюй-Сэнь Чанлэ. На экране видеофона она предстала в очаровательном алом костюме в традиционном стиле тан, с аккуратными забавными пучками на голове. Ее тонкие, аккуратные черты лица и робкая улыбка уже сейчас выдавали в ней будущую красавицу.

Для Чанлэ это, похоже, был первый звонок незнакомцу. Она заметно стеснялась и жалась к отцу, но, услышав его ободряющий шепот, все же набралась храбрости.

— Привет, — тихо произнесла девочка. — Я Тортик.

В студии воцарилась гробовая тишина. Помощник режиссера торопливо зашептал за кадром, поясняя, что это домашнее имя девочки.

В этот миг у всех присутствующих в головах пронеслась одна и та же ошеломленная мысль: какому родителю вообще придет в голову назвать ребенка Тортиком? Тем более известному писателю, который, на минуточку, зарабатывает на жизнь словом! Уважаемый автор, ваши читатели вообще в курсе, насколько у вас туго с фантазией?

— Ты... — Ци Цянь покосился на отца.

Ци Бися сидел рядом с самым сияющим и предвкушающим видом, явно ожидая, когда сын озвучит свое домашнее имя.

Мальчику до смерти не хотелось произносить это глупое прозвище. Но как быть? Назваться «Цянь-Цянь» или «Сяо Цянь»? Звучит слишком по-девичьи. К тому же Ци Бися все равно рано или поздно сдаст его со всеми потрохами. Поняв, что деваться некуда, Ци Цянь с обреченным видом шагнул навстречу своей социальной гибели.

— Можешь звать меня... Цянь-бао.

На том конце провода повисла тяжелая, звенящая пауза. А мгновением позже скромная и

молчаливая «принцесса Тортик» мгновенно растеряла всю свою стеснительность и, ничуть не заботясь о вежливости, звонко расхохоталась:

— Папа, у него такое глупое имя! Даже глупее моего!

— Дочка, ну разве можно вот так в лицо говорить человеку, что его имя глупое? — раздался в трубке чистый, мягкий мужской голос.

Он принадлежал великому Сань Мушуй. Настоящее имя писателя было Сюй Лин. Он приходился родственником знаменитому Цинцзю, лауреату Всемирной литературной премии и Литературной премии принца Чэнцзэ. В свое время пресса пророчила Сюй Лину славу человека, способного возглавить литературный мир страны Си после безвременной кончины Цинцзю. Однако вопреки всеобщим ожиданиям Сюй Лин ушел в интернет-литературу. Тогда мало кто понял его выбор, но вскоре он заставил замолчать всех скептиков: гонорары в тридцать миллионов в год, первое место в списке самых богатых писателей страны в течение десяти лет подряд и многочисленные экранизации его книг говорили сами за себя.

При всем этом Сань Мушуй всегда оставался на редкость непубличным человеком: избегал светских мероприятий, не давал интервью и наотрез отказывался от рекламы. То, что продюсерам шоу «Потому что мы одна семья» удалось заманить его на съемки, стало настоящей сенсацией. Разумеется, это сразу подогрело интерес к передаче еще до ее выхода на экраны. К тому же писатель славился не только выдающимся слогом, но и великолепной внешностью, которой мог бы завидовать любой профессиональный актер.

Впрочем, вернемся к первому разговору Ци Цяня и Сюй-Сэнь Чанлэ. Закончился он тем, что оскорбленный в лучших чувствах Ци Цянь в ярости нажал на отбой. Видеофон ответил короткими обиженными гудками.

Генеральный режиссер Ли Ду, лично курировавший процесс съемок, сделал знак своей помощнице сделать пометку для монтажеров: «Обязательно наложить поверх кадра милые, округлые буквы: „Первый блин комом. Дипломатическая миссия Принца и Принцессы с треском провалилась“». Это должно было сгладить неловкость момента на телеэкране.

Спустя несколько минут на экране снова высветился вызов — похоже, знаменитый писатель провел с дочерью воспитательную беседу, и Сюй-Сэнь Чанлэ решила загладить вину.

Девочка, похожая на фарфоровую китайскую куколку, виновато посмотрела на Ци Цяня, который и сам напоминал безупречную коллекционную игрушку:

— Твое настоящее имя очень красивое, — искренне признала она.

— А вот твоё настоящее имя такое же странное, как и домашнее, — не остался в долгу Ци Цянь.

Чуси как-то рассказывал ему, что в стране Си имена обычно состоят из двух или трех иероглифов. Четырехзначные встречаются крайне редко, и то лишь при двойных фамилиях. Но «Сюй-Сэнь» явно не было двойной фамилией. Выходило, что фамилия девочки — Сюй, а зовут ее Сэнь Чанлэ. Звучало это как минимум дико.

Вторая попытка наладить контакт тоже провалилась.

Теперь уже за воспитание сына пришлось взяться Ци Бися. Он терпеливо объяснил, что Сюй-Сэнь Чанлэ носит двойную фамилию, потому что у нее два отца: один по фамилии Сюй, другой — Сэнь. А зовут ее просто Чанлэ, в честь древнего пожелания бесконечной, немеркнувшей радости.

— И что? — хмыкнул Ци Цянь.

Он ведь уколол ее не просто так, а в ответ на ее насмешку. Умение помнить обиды — вещь универсальная, она не зависит ни от гражданства, ни от планеты происхождения.

Съемки забуксовали. Никто не ожидал, что дети так наотрез откажутся ладить. Ведь по сути они приходились друг другу родней: двоюродной сестрой Сань Мушуя, отца девочки, была Чан Цици. Она, в свою очередь, была супругой Ци Юньцзин — той самой дочери старшей сестры семейства Бай, Бай Анны, которая открыто выбрала жену.

Собственно, именно по этой причине Сань Мушуй и согласился на участие в проекте. Организаторы намеренно объединили двух еще не привыкших к камерам малышей в одну команду, надеясь, что родственные узы помогут им быстро найти общий язык.

Но реальность показала: никакого общего языка не предвидится.

Положение спас Ци Бися. Он пододвинулся ближе к сыну и мягко проговорил:

— Знаешь, если посчитать по старшинству в нашей семье, ты приходишься Тортику... то есть Чанлэ, двоюродным дядей. Разве солидный взрослый мужчина не должен уступать младшим? Тем более когда речь идет о маленькой леди.

Сам Ци Бися был довольно молод, но по семейной иерархии стоял очень высоко.

Внезапно осознав себя солидным старшим родственником, Ци Цянь ощутил неожиданный прилив ответственности. Раз уж Бай Цю и Бай Анна так тепло приняли его самого, ему тоже следовало проявить великодушие и постараться поладить со своей новообретенной племянницей.

Благодаря уступчивости «дядюшки», третья попытка увенчалась полным успехом. Дети мирно договорились встретиться завтра на борту самолета.

В девять вечера Ци Цянь ушел спать, но для съемочной группы работа только начиналась. Ци Бися вместе с режиссером Ли Ду и половиной персонала должны были ночным рейсом вылететь в Жунчэн — место съемок первого выпуска шоу, чтобы подготовить все к утру. Операторам же предстояло запечатлеть несколько трогательных кадров: спящего малыша и отца, который со светлой грустью прощается с ним перед разлукой.

Пока настраивали свет, Аро подошел к режиссеру. Он настоял, чтобы объяснения Ци Бися насчет сложного семейного древа и их родства с Чанлэ полностью вырезали из финальной версии: такие подробности личной жизни не предназначались для посторонних ушей.

Влиятельные кланы были связаны столь тесными и запутанными узами, что при желании любого можно было уличить в родстве с кем угодно. Чтобы не впутывать в объективы телекамер влиятельных людей, которые совершенно не стремились к публичности — вроде членов Клана Ци, — эту сцену следовало убрать без лишних разговоров.

Ли Ду прекрасно понимал правила игры. Его карьера начиналась в Развлекательной компании Байци, а его самое успешное детище, проект «Следующая топ-модель», обязано своим взлетом поддержке телеканала семьи Бай. Стоило ему услышать фамилию Ци, как сцена мысленно уже была отправлена в корзину.

В итоге зрители увидят лишь назидательную беседу отца о манерах джентльмена, после которой маленький Принц благородно пойдет на мировую и проявит заботу о девочке. В этом и заключалось великое искусство монтажа: легким движением руки превратить будничную неловкость в трогательную поучительную историю.

Утро следующего дня началось под прицелом скрытых и явных камер. В каждой звездной семье оставшиеся дома родители принялись будить и собирать малышей в дорогу.

Поскольку Ци Цянь рос в неполной семье, будить его пришел дворецкий. Изначально сценаристы надеялись привлечь кого-то из родственников, но стоило им вспомнить внушительный список родни Ци Бися... как они тут же благоразумно остановили свой выбор на прислуге.

Конечно, будь Пэй Юэ в стране, режиссер костями бы лег, но затащил бы этого невероятно популярного эстрадного кумира в кадр. Увы, прославленный певец сейчас гремел с концертами в рамках мирового турне, так что ничем не мог помочь. Сам Пэй Юэ, впрочем, наверняка ничуть об этом не жалел, хотя на публику и выражал крайнее сожаление.

Умываться и завтракать под прицелом объективов, самому крепить на пояс передатчик микрофона — все это было для Ци Цяня в новинку. Тем не менее держался он поразительно спокойно.

Сопровождающий его помощник режиссера мысленно похвалил мальчика: «Сразу видно — сын потомственной звезды». Работая раньше над шоу «Крошка, крошка», он повидал немало смысленных ребятишек, но никто из них не умел так держаться в кадре. Ци Цянь не кривлялся

ради внимания, но и не жался по углам от смущения. Он просто вел себя так, словно никаких камер вокруг не существовало, оставаясь безупречным с любого ракурса. Сдержанный, естественный — с таким работать одно удовольствие.

Впрочем, вскоре мужчина понял, что у этого спокойствия есть и обратная сторона: идеальный ребенок не создавал экранного напряжения. Шоу «Потому что мы одна семья» строилось на живых эмоциях, забавных детских капризах и милой глупости, которую зрители так любят обсуждать у экранов.

Но Ци Цянь... Он даже не вздрогнул, обнаружив утром, что отец улетел. Когда Ци Бися позвонил спозаранку, мальчик выслушал его с ледяным спокойствием. Их диалог выглядел карикатурно: взбудораженный родитель без умолку тараторил в трубку, а сын лишь изредка ронял короткое:

— Угу.

Конечно, контрасты привлекают внимание, но тут пропасть между отцом и сыном оказалась слишком уж глубокой. Только сейчас помощник режиссера осознал, что имел в виду Аро, когда предупреждал о немногословности мальчика. Закрепленный на его воротнике микрофон висел там чистой декорацией.

Ци Цянь действовал четко и выверенно, словно заведенный механизм. Ровно в полвосьмого, не дожидаясь подсказок съемочной группы, он накинул на плечи рюкзачок, водрузил на нос умные очки «Гунян», подхватил любимого плюшевого мишку и повесил на шею телефон. У ворот дома его уже ждал личный вертолет Ци Бися, который зрители мельком видели в одном из прошлых репортажей.

После того как страсти вокруг скандала на шоу моделей поутихли, поклонники Ци Бися в один голос твердили в соцсетях, что его личный транспорт выглядит невероятно эффектно, особенно рядом с маленьким Принцем. Идя навстречу пожеланиям публики, продюсеры задействовали вертолет, чтобы доставить Ци Цяня из усадьбы Тридцать Третье Небо прямиком в международный аэропорт города Эль-Ви.

И как раз тогда, когда съемочная группа уже отчаялась дождаться хоть какой-то драмы, в зале ожидания идеальный мальчик наконец-то оступился.

Помощник режиссера мысленно пожурил себя за злорадство, но ничего не мог с собой поделать: шоу требовало зрелищ.

А виной всему стали обычное детское любопытство и... разница в росте.

Маршрут Ци Цяня лежал в Жунчэн рейсом авиакомпании «Восточные авиалинии» MU01, следовавшим из Императорской столицы с пересадкой в Эль-Ви. Изначально они с Чанлэ планировали встретиться прямо на борту, но утром девочка передумала: ей непременно

захотелось сфотографироваться на фоне знаменитого терминала Эль-Ви на память. Из-за этого Ци Цяню пришлось ждать ее в зале прилета, координируя действия по мобильному телефону.

Аэропорт города Эль-Ви занимал третье место в мире по пассажиропотоку, поэтому в залах ожидания вечно царил невообразимый гул и толкотня. Ци Цянь послушно сидел в кресле, прижимая трубку к уху.

— Я на месте. Ты где? — раздался в динамике звонкий голосок Чанлэ.

— Я тоже пришел, — ответил Ци Цянь, озираясь по сторонам. — Сажу на скамейке возле третьей колонны слева. А ты?

По ту сторону слышалось шуршание — видимо, девочка прилежно пересчитывала опоры.

— Странно... — озадаченно протянула она. — Я тоже у третьей колонны, но тебя здесь нет.

— И я тебя не вижу, — нахмурился мальчик.

Операторы едва сдерживали смех, а наблюдавшие за трансляцией из далекого Жунчэня родители и вовсе покатывались со смеху. Ситуация была донельзя комичной: дети сидели у одной и той же массивной колонны, прижавшись к ней спина к спине с разных сторон.

Режиссеры решили не вмешиваться. Напротив, сопровождающим дали команду держаться как можно незаметнее, чтобы ненароком не выдать малышам их взаимное расположение.

Ребята упрямо стояли на своем, обвиняя друг друга в неумении считать до трех. В какой-то момент их осенила одинаковая мысль: проверить, нет ли кого за выступом. Они синхронно поднялись и двинулись по кругу по часовой стрелке. Естественно, двигаясь с одинаковой скоростью, они так и не пересеклись. У операторов от беззвучного хохота уже текли слезы, пока маленькие заговорщики недоумевали, куда же подевался собеседник.

В конце концов Чанлэ сообразила, в чем дело, и велела Ци Цяню оставаться на месте. Сделав еще полкруга, она наконец уткнулась в него носом. Историческое воссоединение состоялось.

Девочка оказалась сообразительнее вовсе не потому, что была умнее Ци Цяня. Просто вокруг него толпилась добрая половина съемочной группы, в то время как за Чанлэ следовала лишь пара человек с компактными камерами — остальные телевизионщики ждали ее на борту самолета. Маленькую группу спрятать гораздо легче. Заметив объектив, устремленный за колонну, девочка сразу раскусила нехитрый маневр продюсеров.

Эта оплошность стоила Ци Бися первого серьезного испытания.

Для обострения интриги авторы шоу придумали каверзное правило: за каждый промах ребенка наказывали родителя в Жунчэне. Все взрослые изначально сидели в специальных креслах, установленных на земле. Но как только ребенок совершал ошибку, кресло поднималось на один уровень вверх. Планка росла с каждым промахом. Когда дети доберутся до аквапарка Жунчэня и найдут своих родителей, те полетят с набранной высоты вниз по принципу аттракциона «свободное падение».

На данный момент выше всех взлетела Миранда. Ее сорванец Форс утро напролет капризничал: отказывался вылезать из кровати, пролил молоко и устроил форменный бунт, за что его матери теперь приходилось расплачиваться, созерцая окрестности с высоты птичьего полета.

Благодаря примерному поведению Ци Цяня, Ци Бися до этого момента мирно сидел внизу, но теперь его кресло тоже пришло в движение. Хотя в путанице у колонны виноваты были оба, Чанлэ сориентировалась быстрее, а значит...

Кресло плавно поползло вверх. Поравнявшись со вторым уровнем, Ци Бися оказался лицом к лицу с Сань Мушум — мужчиной, чье лицо дышало абсолютным, почти ледяным спокойствием.

— Приветствую! — дружелюбно улыбнулся Ци Бися.

Они с писателем уже пересекались на съемочных площадках. Знаменитый фильм «Сирота», сделавший Ци Бися звездой еще в детстве, был одной из первых серьезных работ Сань Мушуя в качестве сценариста.

Писатель сдержанно кивнул в ответ, но лицо его оставалось хмурым, а в позе сквозило напряжение. Наверх он попал из-за утренней истерики дочери. Проснувшись, Чанлэ вдруг осознала, что ни один из отцов не полетит с ней и ей придется отправиться в путешествие в одиночку. Малышка разрыдалась так горько, что ее едва сумели успокоить. С тех пор она пребывала в расстроенных чувствах, из-за чего и сорвалась их встреча на борту самолета.

— Сильно переживаешь? — сочувственно поинтересовался Ци Бися.

Его ничуть не задевала холодность собеседника. За годы знакомства он успел изучить замкнутый нрав Сань Мушуя и знал, что за этим не кроется никакого высокомерия. К тому же сейчас, будучи такими же отцами, они отлично понимали тревогу друг друга.

Сань Мушуй вздохнул и глухо обронил:

— Если честно... у меня жуткая боязнь высоты.

Ци Бися покосился вниз, на землю, которая находилась буквально в метре под их ногами, и не

нашелся что ответить. Высота, говорите?

<http://bllate.org/book/20636/2132749>